

Time

Альберт Горошко

Альберт Горошко

Time

<https://litres.ru/53664458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Время...Что может быть более повседневным и более загадочным? А может быть время - это выдумка? Герой книги вряд ли предполагал, к каким последствиям приведет его любимое хобби...

Альберт Горошко

Time

Часть первая

Глава первая

Круг

Я бродил под стенами старой церкви с “кодаком” в руке и рассматривал ее арочные окна, почерневшие своды, обнажившуюся кое-где кирпичную кладку в поисках удачного ракурса. Увенчанная изъеденными ржавчиной куполами и опоясанная каменным забором с коваными воротами, она больше полувека пустовала и считалась самым загадочным местом в нашем городе. Когда я был мальчишкой, бабушка пугала меня, что, дескать, если я не буду слушаться, она отведет меня в заброшенную церковь и оставит там на всю ночь. Это действовало безотказно, потому что я часто слышал от ребят во дворе страшные истории о том, как несколько человек пропали бесследно, забравшись в церковь в поисках сокровищ, и что якобы их забрали обитавшие в ней злые духи. Посетив на днях наш краеведческий музей, я узнал, что здесь до революции находился старообрядческий храм. Сейчас к бывшей церковной усадьбе подступали кварталы

новостроек, меняя патриархальный облик города. Рядом с церковью уже отрыли глубокий котлован под новое здание, и, словно мрачный могильщик, над ним замер желтый экскаватор, устало опустив свою механическую руку с клыкастым ковшом...

Нащелкав полтора десятка кадров и проверив счетчик пленки, который приближался к финальной цифре “36”, я решил зайти внутрь. Мощные проржавевшие петли тяжелых дубовых дверей издали пулеметную очередь – эхо заметалось под куполом. Здесь было прохладно и пахло плесенью. Я обошел внутренность церкви по часовой стрелке, как учила мама ходить по выставочным залам, пытаясь рассмотреть оставшуюся роспись на стенах. Лучи света протянули подвесные мосты от щелей в заколоченном окне до противоположной стены, по ним, как суетливые мошки, двигались частицы пыли. Я ничего не стал фотографировать здесь – вспышка “мыльницы” была слабовата – и ни с чем вышел на улицу. Оказавшись на солнце после холодного полумрака, я зажмурился и потерял глаза. Приведя в порядок зрение, я отошел подальше за ограду и решил сделать эффектный кадр – экскаваторный ковш, занесенный над церковью. Но меня как будто ударило этим самым ковшом – ни экскаватора, ни котлована я не увидел – на их месте непролазный, заросший крапивой и лопухами пустырь жужжал сотнями пчел! “Может быть, это другая сторона церковной ограды?” – подумал я и снова зашел в церковь, надеясь на то, что из нее есть вто-

рой выход, и обошел ее еще раз, двигаясь вдоль стен в обратную сторону. Вот они – ворота. Щурясь на солнце, я вышел во двор и чуть не вскрикнул от изумления – через церковный забор просматривалась желтая клешня экскаватора – он снова стоял на своем месте! У меня от волнения засосало под ложечкой. Я обернулся и посмотрел на церковь. Я тут же вспомнил детские страшилки. Говорят, что в старых замках есть привидения, но чтобы в храме, пусть даже бывшем, происходили такие непонятные вещи? Не зря, видимо, появились недобрые слухи об этом месте, которому так и не нашли применения со времен НЭПа, когда церковь закрыли. Здесь, как было заведено большевиками, должен был располагаться какой-нибудь склад, клуб или контора, но эти развалины так никого и не приютили! Озадаченный, я подошел к экскаватору и пнул ногой гусеницу в комках засохшей грязи. Кусок грунта под ногой отделился от края обрыва и покатился на дно котлована, увлекая за собой язык из песка. Не похоже на мираж. Может быть у меня случился солнечный удар?

Вернувшись домой, я решил никому ничего не рассказывать. Либо я сошел с ума, либо здесь действительно происходит что-то сверхъестественное. Всю неделю я ходил задумчивый и рассеянный, но, в конце концов, любопытство взяло верх, и в субботу ранним утром я опять стоял перед воротами церковной ограды.

Чтобы развеять свои подозрения, я взял с собой радио-

приемник и “вечный календарь”. Правда, это не совсем удобно, ведь новости на “Маяке” передавали не чаще, чем через полчаса, но другого способа проверить свои предположения я не придумал. Вспомнив события недельной давности, с волнением я зашел внутрь церкви, дождался, когда минутная стрелка часов доползла до без одной минуты шесть и, пройдя круг по церкви, настроился на “Маяк”. Когда закончились позывные, диктор, поприветствовав радиослушателей, сказал, что сегодня пятница, 25 июля. “Сегодня же суббота, 25 июля!” – воскликнул я так, что эхо отозвалось и заколебалось в каменной пустоте. Я сверился по календарю. Круговой циферблат показывал прошлогоднюю дату. Вращая колесико настройки частот радиоприемника дрожащими от волнения пальцами, я нашел первую программу. Дату здесь уже сообщили, но ... невероятно! Новости касались прошлогодних событий!

Моя догадка подтвердилась – я переместился во времени! Ошарашенный своим открытием, я выскочил на улицу. Экскаватора и котлована не было! Никакой ошибки, никаких галлюцинаций! Я сшибал ногами лопухи, обжигаясь крапивой, какая-то сонная пчела впилась мне в руку – все было настоящим! Я побежал по пустынной улице, ведь мне так хотелось спросить у прохожих какой сегодня год – я все еще не мог поверить в реальность происходящего!

Подумав и немного успокоившись, я продолжил исследование. Мною овладел азарт первооткрывателя. Зная коли-

чество пройденных кругов и направление движения, и настраиваясь на новости, я выяснил, что один круг по периметру церкви равен году, причем по часовой стрелке – вперед, против – назад. Таким образом, получалось что-то вроде орбиты Земли, двигаясь по которой я проходил астрономический год. Если теперь разбить ее на часы(и минуты), то, уходя с круга в определенном месте, я мог дробить год на части. Проверка показала, что “часовой механизм” работал! Надо было сделать подобие циферблата для точности перемещений. Для этого понадобится тесьма, несколько длинных реек и колышек, и простейшее приспособление для путешествий по времени будет готово... И я решил его испытать!

Глава вторая

Сборы

Подготовка моего путешествия заняла несколько месяцев. Это время я никогда не забуду, не забуду то настроение, которое сопровождало меня повсюду, где бы я ни находился. Окружающим, наверное, казалось, что я живу навязчивой идеей, но она, впрочем, имела под собой реальную почву в виде результатов экспериментов. Правда, исследования не были, так сказать, углубленными, и поэтому намерение предпринять “дальнее” путешествие не давало мне покоя.

Я вспомнил, как начинала кружиться голова от коллизий, когда герои книг и фильмов “оставляли следы” в прошлом или в будущем. Я сразу решил по возможности ничего не менять там. А для этого надо было хорошо подготовиться. Главное – сразу не наломать дров. Будущее предвидеть трудно, и я отказался от путешествия туда, где ничего не известно. Я выбрал 20-е годы – время не столь дальнее, но и не такое близкое. Я стал перечитывать всю литературу о периоде НЭПа, записавшись в библиотеку. Я добрался до городского архива. Я расспрашивал знакомых старушек. Словом, я постарался вжиться в то время, как если бы уезжающий на юг отлеживался бы в солярии, чтобы по прибытии сразу смешаться с загорелой толпой.

Самым трудным было подыскать одежду. Я перерыл кучу старья в кладовке, но оно относилось к послевоенному поколению. Все же мне показалось подходящим нетронутое молью драповое пальто, а остальное – дело техники. Несколько довоенных фотографий и швейная машинка, и через неделю мой костюм был готов.

Да, еще не мешало бы иметь немного денег. Я вспомнил, что в Москве, недалеко от Таганки, на улице Большие Каменщики есть место, где ежедневно встречаются коллекционеры марок, открыток, медалей и монет. Пришлось потратить день и навестить столицу. На Каменщиках я нашел у одного нумизмата достаточное количество старых серебряных полтинников с мускулистым молотобойцем на решке и

старым советским гербом с шестью республиками на орле. Такой же полтинник лежал когда-то у нас в трехлитровой банке с “живой” водой для питья.

Я не стал составлять список вещей, которые нужно взять с собой – он как-то сам определился – “кодак”, две пленки, фонарик, батарейки про запас, радиоприемник, калькулятор, спички, карта Московской области, швейцарский нож, тетрадь для записей, зубная щетка, паста, бритвенный станок и комплект белья. Не хватало только паспорта образца двадцатых годов – молоткасто-серпастого, которым так гордился Маяковский, но мне пришлось лишь надеяться, что он не пригодится – такой паспорт даже подделать не получилось бы. В случае проверки скажу, что потерял документы.

Предстояло еще определить дату прибытия. “Отъезд” я наметил на воскресенье, 15 ноября. Чтобы не дробить годы и не оказаться из лета в зиме, я решил отсчитать назад ровно 71 год. Выпадала суббота, 15.11.1927.

Глава третья

Переход

В субботу вечером, 14 ноября, я паковал вещи. Мысль о паспорте не отпускала, и я взял-таки свой, настоящий. Стало спокойнее. Лег спать как обычно, в полночь. Долго не мог

заснуть, как перед дальней поездкой. Утром, плотно позавтракав, я положил в чемоданчик термос с чаем, банку консервов и пару бутербродов, оделся в пальто, натянул хромовые сапоги, которые привез из армии, нацепил теплую кепку и вышел на улицу. Маленький, но плотно набитый чемоданчик оттягивал руку. Яркое солнце пробивалось сквозь голые переплетения ветвей и отбрасывало на асфальт пестрые тени. Я волновался. Противоречивые мысли распирали голову. К десяти надо было успеть. Мне не удалось попрощаться с мамой – она ушла в магазин. Может быть, я ее больше не увижу? Но что я мог ей сказать, если бы она сейчас стояла передо мной? Я написал короткую записку, где сообщил, что еду с друзьями на дачу.

До церкви я добрался к половине девятого. Людей вокруг не было, и только сонная всклокоченная собака, примостившаяся на теплый колодезный люк, проводила меня равнодушным взглядом. Внутри церкви было совсем темно – я нервно поежился. Кто-то, должно быть, ушлый дачник, стащил рейки, с помощью которых я делал разметку круга. Интересно, а он назад вернулся? Вдруг он прошел один или несколько кругов и оказался в будущем? Я с ревностью подумал о возможности открытия, какое недавно сделал я, кем-то другим. Что ж, обойдусь без реек. Итак, мне предстояло пройти 71 круг по церкви в пальто с чемоданом в руке. Странная месса в бывшем храме...

...Через час я, немного утомившись, остановился перед

выходом. Снаружи все так же светило солнце. Я решил отдышаться, чтобы не выглядеть подозрительно. Меня переполняло нетерпение – я не верил, что выйду не туда, откуда пришел. Я не испытывал никаких особых ощущений, хотя думал, что переход во времени должен как-то чувствоваться. Нет, ничего! Ничего, кроме одышки. Ну, пора! Я застегнул пальто и шагнул в прошлое.

Глава четвертая

Явление народу

Под каблуком хромового сапога хрустнул снег. От меня шарахнулся мужик в тулупе, мелко крестясь. Я оглянулся – крепкие соборные ворота величаво распахнуты, из полутьмы, оборачиваясь и крестясь, выходили отстоявшие службу бабы и мужики. Мой внешний вид, особенно чемодан, явно не соответствовал окружающей обстановке. Стараясь, насколько возможно, не привлекать внимания, я тихонько вышел за ограду и прошел по улице полквартала. Сработало – передо мной стояла белостенная златоглавая церковь. Я был потрясен. Хотелось прыгать от радости. Вокруг меня улица напоминала то, что я видел на старых фотографиях в краеведческом музее – крепкие деревянные дома в четыре-пять окон, ворота с козырьками, телега, запряженная

резвым коньком. Машинально я двинулся в сторону своего дома, которого еще не было. Городские часы на заводской башне пробили десять. В моем кармане позвякивали 20 серебряных полтинников 1925 года чеканки. Десять рублей серебром хватит дней на 10-20. Надо найти место для ночлега, хотя думать об этом недосуг – очень многое предстоит увидеть и узнать.

Перекроенное пальто, похоже, сильно выделяло меня из толпы, и прохожие косились на чемодан. Я заглянул в суконную лавку.

– Хозяин, где у вас тут базар? – спросил я, стараясь быть непринужденным, краснощекого малого с лоснящимся лицом.

– А ты что, не здешний? – ответил он вопросом на вопрос, задержав взгляд на моем пальто.

– Да, приехал по делам нашей артели, – соврал я, не мешкая. – Мы в Переухове хромачи шьем, так меня вот и послали рынок ваш посмотреть.

– Вот оно как. Так иди вниз по Кузнецкой, там и базар. Да кто ж без товара на ярмарку ходит?

– Так прицениться ж сперва надобно, потом и торговать будем.

– А в вашем Проухове все такие лопаухие? – заржал молодец мне вслед.

Не обратив внимания на его шутку, я отправился на Кузнецкую улицу, название которой не изменилось, а облик сла-

бо напоминал тот, что остался в моем времени. Через два квартала я свернул на Октябрьскую, где в доме 23, судя по информации из музея, располагалась гостиница. Действительно, передо мной стоял крепкий особняк, красуясь двумя красными флагами, оставшимися после 10-летия Октября. Оба этажа здания были окрашены в ярко-синий цвет, а дверь и рамы в казенный красно-коричневый. Гостиница напоминала штаб, и я решил не заходить без документов, а поискать частного.

Глава пятая

Адаптация

Я шел по центральной улице своего города и, естественно, не узнавал его. Рассвет НЭПа отразился на его облике пестротой лавок, контор и других заведений. Рекламные доски соседствовали с оставшимися революционными транспарантами, на одном фасаде мирно висели идейные антагонисты – еще дореволюционная вывеска “Ремонт швейных машин Зин-геръ” и плакат “На слом буржуазные устои!”, быть может, кисти того же самого художника.

Народ попадался большей частью праздно лузгающий семечки, и никому, похоже, не было дела до долговязого прохожего с чемоданом в руке. Хотя любого из них я смог бы

изрядно озадачить, соблазн чего так и щекотал меня изнутри. Мое внимание привлек человек, читающий афишу:

Только сегодня!

Городской парк , Зимний зал.

Мадам Вересковская – предсказания будущего.

Вход 10 копеек.

Человек был молод и странен. Мне показалось, что я его уже где-то видел. Из кармана потертого плаща торчал сверток то ли газеты, то ли журнала. Из-под гимназистской фуражки висели пружинки светлых кудрявых волос, круглые очки спадали на тонкий прямой нос, губы шевелились в неслышном шепоте. Чудак что-то записывал в истрепанный блокнотик химическим карандашом и вдруг обернулся ко мне.

– Интересуетесь? – спросил он меня птичьим голоском. Губы его были синими от карандаша.

– Чаво? – изобразил я деревенщину.

– Будущим интересуетесь? – повторил он более низко, потряхнул головой, и взял меня за локоть. – Приходите в наш клуб вечером в шесть, в “Дом рабочей молодежи”. Будет лекция доктора Севидова о слиянии времени...

Я выдернул руку и зашагал прочь – что-то неприятное в его цепком взгляде и хватке насторожило меня. Мне никак не хотелось, чтобы меня тут вот так сразу “раскусили” и направили куда надо!

Как ни странно, но, собираясь в прошлое, я совершенно не задумывался о том, что я здесь буду делать. К родственникам пойду? Они еще в это время в городе не жили. В гости к знакомым? Таковых я еще пока не имею. Может быть, просто посмотреть город? И вообще, есть ли какая-то польза от этой моей экскурсии? Скорее всего, да, но может быть и вред. Я, к сожалению, не вникал в причинно-следственные связи и прочие теории, а поэтому риск сделать ошибку был достаточно велик.

Мне захотелось перекусить после часовой пробежки по храму, и я купил горячий пирожок с капустой у уличной торговли. Она отсчитала мне в ладонь горсть промасленных медаков сдачей на мой полтинник, и я, шагая, позвякивал теперь, как связка ключей. Я приближался к окраине города, которая приходилась как раз на начало моего микрорайона. Дальше простиралась пустошь, и совсем недалеко синел лес. Побродив пару часов по городским окраинам, я так и не нашел никого, кто сдавал бы угол внаем.

Я раскрыл чемоданчик и достал тетрадь с записями из архива и кое-какой полезной информацией. Мои предки жили в селе Зуйково в 20 верстах от города. Пешком идти не хотелось, и я нанял извозчика. Мы долго торговались, пока он не согласился на сорок копеек. Я, пряча улыбку, высыпал ему в трех так отягощавшую меня медь и запрыгнул в телегу. Мужик терпеливо пересчитал медяки, достал из-за пазухи ситцевый узелочек, развязал его, сложил туда свой новый зара-

боток и спрятал обратно. Так же не спеша встряхнул вожжи, и пегая лошаденка, качнув головой, лениво потянула нас в осенне-зимнюю расхлябицу. Мужик был не из лихачей.

Глава шестая

Прадед

Мы ехали по разбитой проселочной дороге, глина вперемешку со снегом, казалось, не хотела расставаться с колесами и отрывала железо с ободов. Пару раз нам пришлось вынимать телегу из глубокой колеи. Навстречу не попадалось ни души, одни лишь испуганные сороки, хрипло треща, суетливо пролетали над головой. Заснеженные поля перемежались унылым редколесьем, и встречный ветер задувал за воротник.

– А что, к зазнобе едешь? – спросил меня, кашлянув, мужик.

– Да нет, отец, по делам, – ответил я и отвернулся, не желая продолжения разговора. Какая там зазноба, усмехнулся я про себя, но, одумавшись, продолжил:

– Насчет сапог я, шьем мы их, да сбыта нету.

– А ну, кажи, – и я снял с ноги запачканный сапог. – А что, добротнo скроено, только кому они такие в деревне нужны?

– Так я и еду узнать кому.

Наконец, появилась первая деревенька. Несколько сырых домишек приткнулись у дороги, да длинный журавель с куском рельса на хвосте замер, покачивая пробитым ведром на ветру. Закопченные трубы жидко дымили в двух домах, остальные не проявляли никаких признаков жизни. И нигде даже не залаяла собака – мы проехали мимо, никем не замеченные. Меня поразило то, что облик деревни был почти таким же, как в конце двадцатого века. Казалось, будто я нахожусь в своем времени; неужели время остановилось в глубинке? Себя выдавали разве что крыши домов из дранки вместо шифера, да деревянное ведро на колодце взамен железного. Незаметно для извозчика, я сделал снимок его со спины на фоне деревни.

Повсюду уже виднелись следы запустения. Избы стояли сиротливо и молча, покосившись набок, дворы зарастали двухметровыми лопухами, дороги терялись в старых колеях, поля покрывались щетиной пырея. Наиболее активные, а может быть, наоборот, ленивые, заколотив ставни и двери, распродав все лишнее, навьючив телеги мешками с тряпьем и пожитками, целыми семьями снимались из неудобных и неперспективных деревень в города. Я вспомнил, что и мой прадед в 32-м, собрав все, что можно было собрать после "раскулачивания", уехал в город искать лучшей доли. Я бы очень хотел его сейчас встретить.

Вдруг мой кучер оживился и хлестанул кобылу плетью:
– А ну пшшшлааа, твою душу!

Лошадь меланхолично дернула боком, мотнула хвостом и перешла на рысь. “Видимо, мужик что-то вспомнил, решил побыстрее вернуться”, – подумал я. Телега затряслась на ухабах, жалостливо скрипели колеса. Я закутался в воротник.

Зуйково появилось перед нами на холме, увенчанное деревянной церквушкой с синей маковкой. Это было небольшое село дворов в сто тридцать, с одним кирпичным двухэтажным домом. Я спрыгнул с телеги и стал искать коричневый пятистенок в четыре окна. Таковых я насчитал с десяток.

– Где живут Воронковы? – спросил я сидевшего на завалянке седовласого деда в старом тулупе. Он показал на дальний конец села.

– Спасибо, дедушка! – и я зашагал к дому, о котором мне в детстве так много рассказывала моя бабушка.

Я постучался железным кольцом в калитку – мне открыла немолодая женщина в телогрейке, подбитой изнутри косматой овчиной.

– Хозяйка, пусти на постой.

– А ты откуда будешь такой шустрый? – спросила она, глядя снизу вверх, и морщины вокруг ее глаз собрались в лучики – боже, я узнал прабабушку, фото которой лежало в нашем семейном альбоме.

– Марья, кто там? – донесся из сеней негромкий мужской голос, и на порог вышел мужчина лет сорока пяти с высоким лбом и бородой с проседью. Это был мой прадед Евдоким

Андреевич.

Мои ноги подкосились, все поплыло у меня перед глазами и превратилось в туман...

Глава седьмая

Гость

Проснулся я в узкой и длинной комнате, отгороженной голландской печкой и деревянной перегородкой от остальной части дома. Первое, что я увидел, открыв глаза, был портрет моих прабабушки и прадеда, наверно, после венчания. Маленькая фотография, приклеенная на картон, уже пожелтевшая от времени. Сейчас она висела на стене, а я ее помнил по старому семейному альбому, уже почти истертую, бережно хранимую детьми, а потом и внуками. Я посмотрел в окно. За кривыми стеклами, в которых застыли пузырьки воздуха, было все словно из кружева. На улице шел снег хлопьями. Я лежал под старым овчинным тулупом, накинутым поверх грубой хлопчатобумажной простыни. Огромная перовая подушка свалилась на пол. На полу стояли бурки, от одной стены до другой тянулись разноцветные половики. На ногах у меня были одеты длинные колючие шерстяные носки, почти гетры, длинная льняная рубаша пахла семечками, от голландской печки отдавало теплом. Возле топки лежала

черная кочерга и несколько осиновых бревен... Постепенно я вспомнил все и понял, где я. Еще минут десять я глядел в окно и слушал тишину. Такого тихого утра я никогда не переживал. Но события вчерашнего дня вернули меня в реальность.

Я встал с высокой кровати и выглянул за печь – в доме никого не было. Моя верхняя одежда висела на гвозде в сенях, не было только рубашки, майки и трусов. Я надел брюки и пальто и вышел на улицу. Во дворе бродили куры и пара гусей. Гуси зашипели, пригибая головы на вытянутых шеях к земле и растопырив крылья. Из сарая в глубине двора доносился шорох.

Я, вспомнив вчерашний реверанс у ворот, поспешил в дом, чтобы не беспокоить хозяев. Мне было очень неудобно за внезапное вторжение к этим людям, тем более, что это могло повлечь за собой последствия, что-нибудь изменившие бы в их дальнейшей жизни. Надо было отсюда уезжать, своих я увидел, а долгое общение между нами наверняка вскрыет наши родственные отношения.

– На, сынок, попей молочка вот, – и хозяйка поставила крынку на стол. – Что же ты, сердешный, так худо оделся? Мы с Евдокимом перепугались – думали тиф у тебя. Всю ночь стонал, одежда вот вся вымокла, жар у тебя был.

– А уезжал – было не холодно, – сказал я, отпив теплого топленого молока. – Проездом я, в Москву. А хозяин где?

– В Клиновку поехал за мукой. Печь будем хлебушек, сво-

его давно не делали, ужо-тка вернется, тесто месить стану.

Как же мне хотелось остаться, но надо было уезжать! Еще немного, и я не справлюсь со своими эмоциями. “Бежать! Бежать!” – вспомнил я фразу из любимого фильма.

– Ну спасибо, мать, мне пора.

– Куды ж ты пойдешь, слабый ведь совсем – смотри, коленки вон трясутся, остался бы до завтра. Я щи варю с мо-слами, поешь хоть!

Меня просто сводило с ума стремление кинуться к этой женщине с криком “Ба, это я, Артем!” и уткнуться лицом в ее руки, и я еле сдерживал переполнявшие меня чувства. Не только коленки – я весь трясся от волнения.

– Да нет, спасибо, мне надо спешить, – отказался я, еле выдавив из себя эти слова, будто ватный ком подступил к горлу.

Я собрался, взял узелок, который собрала бабушка – хлеб, кусок сала, три вареных вкрутую яйца, лук и вареную репку. Я долго уговаривая хозяйку взять деньги, которые она так и не взяла, проводила до ворот и перекрестила на дорогу. Подавленный столь короткой встречей и скорой разлукой, сжав зубы, я отправился в ту же сторону, откуда пришел. Я то и дело оглядывался, она стояла у калитки и все смотрела мне вслед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.